

ЕЛЕНА МАЙОРОВА

В ОГНЕ
РЕВОЛЮЦИИ

Мария СПИРИДОНОВА,
Лариса РЕЙСНЕР

Елена Ивановна Майорова

В огне революции: Мария Спиридоновна, Лариса Рейснер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42601506

В огне революции: Мария Спиридонова, Лариса Рейснер / Е. Майорова:

Алетейя; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-907115-27-9

Аннотация

Книга посвящена судьбам двух деятелей эпохи коренных преобразований России – Марии Спиридоновой (1884–1941) и Ларисы Рейснер (1895–1926). Едва ли эти женщины лично встречались в бурном потоке революционных событий, вращаясь в разных кругах и по-разному переживая одни и те же обстоятельства. Но именно взгляд с разных сторон позволяет вернее оценить судьбоносное революционное время. Мария Спиридонова смертельно ранила карателя, жестоко подавлявшего крестьянские бунты. Царский суд приговорил девушку к казни, но под воздействием общественного мнения виселицу заменили бессрочной каторгой. В 1918 году была одним из руководителей левоэсеровского мятежа. Мария Спиридонова пережила ссылку, бедность, предательство близких. Необыкновенная судьба была уготована Ларисе Рейснер. Умница, красавица она с юных

лет участвовала в художественной жизни Петербурга, в ее честь Б. Пастернак назвал главную героиню романа «Доктор Живаго» Ларой. Женщина-комиссар из пьесы В. Вишневского – тоже Лариса... Неудачный роман с Николаем Гумилевым, не принявшим революцию, привел Ларису в лагерь большевиков. Ее назначили комиссаром Морского штаба. На флоте она стала женой Федора Раскольникова, который впоследствии получил известность благодаря обличающему открытому письму Сталину. Любовная связь Ларисы со Львом Троцким имела своим следствием получить новую должность комиссара разведотдела при его штабе и ссылку в Афганистан, когда Троцкий оказался в «опале». Рейснер и Раскольникову удалось расстроить планы Англии и добиться важных успехов на дипломатическом поприще.

Содержание

Мария Спиридонова (1884–1941)	5
Накануне	9
Террор	24
Покушение	39
В ожидании казни	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Майорова

В огне революции:

Мария Спиридонова,

Лариса Рейснер

Мария Спиридонова (1884–1941)

11 сентября страшного 1941 года, когда фашисты рвались к Москве и немецкие танки были уже на подступах к Орлу, недалеко от города, в Медведовском лесу, чекисты по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР без предварительного судебного разбирательства, спешно «ликвидировали» очередную партию «врагов народа». 157 заключенных Орловской тюрьмы НКВД СССР по обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были уничтожены.

Приговоренные «препровождались в особую комнату, где специально подобранные лица из числа личного состава тюрьмы вкладывали несчастному в рот матерчатый кляп и завязывали его тряпкой, чтобы его нельзя было вытолкнуть». Затем им зачитали приговор: «...подвергнуть высшей мере

наказания – расстрелу без конфискации имущества за отсутствием такового». Эти подробности рассказал бывший начальника управления НКВД по Орловской области К.Ф. Фирсов.

Операция была проведена скрытно и тщательно. Сначала «врагов» заставили снимать дерн и подкапывать растущие деревья, потом отваливать их в одну сторону, чтобы получилась траншея. В образовавшуюся яму загнали заключенных и методично расстреляли. Деревья вернули на место, прикрыв корнями и дерном еще шевелившиеся тела, общую могилу старательно утрамбовали.

Среди казненных находились люди, близкие ко Льву Троцкому, – его бывший друг и секретарь Христиан Раковский¹, его сестра Ольга Бронштейн-Каменева, видные деятели науки: профессора Дмитрий Плетнев и Владимир Карпенко, тетка Булата Окуджавы Ольга Степановна, жена поэта Галактиона Табидзе, член ЦК партии эсеров Вадим Чайкин, Ф. И. Голощекин; один из лидеров левых эсеров Илья Майоров; активная деятельница ВЧК, затем наркомфин В. Н. Яковлева; советский политический деятель и дипломат С.А. Бессонов, писатель Бруно Ясенский, а также жены «врагов народа»: замнаркома обороны Я.Б. Гамарника, маршала А.И. Егорова, командарма И.П. Уборевича, командарма

¹ Настоящая фамилия – Станчев, внук известного болгарского революционера. Первый председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, затем Председатель СНК УССР

А.И. Корка и другие, – те, которых администрация Орловской тюрьмы и НКВД не сочли необходимым в отличие от уголовников эвакуировать в глубь страны.

В эту когорту смертников входила седая 57-летняя женщина – полуслепая, почти глухая и очень больная. Ее называли по-разному: «возлюбленная террора», «святая страдальца революции» «стальная женщина», «Жанна ДАрк первой русской революции», «эсеровская богородица»... Она была одной из тех, кого до октября 1917 года называли «неистовыми борцами за народное счастье», и своей жизнью оставила глубочайший след в истории.

Судьба этой женщины много лет заботила деятелей международного рабочего движения, о ней хлопотала Клара Цеткин, ее одинаково ненавидели и боялись смертельно враждующие между собой Троцкий и Сталин, перед ее прямоотой и убежденностью робел Ленин. Зато в киотах сельских изб, на месте, где полагалось висеть иконам, можно было увидеть ее портрет с горевшей перед ним лампадкой; мужики служили молебны об ее здравии. Она прошла путь от эсеровской террористки до лидера крупной политической партии, от члена высших органов власти до жертвы сталинских репрессий – таков крестный путь одной из самых противоречивых, трагических и вместе с тем трогательных фигур революции.

Ее звали Мария Александровна Спиридонова.

Много лет спустя, после реабилитации М.А. Спиридоновой в 1990-м по делу 1941-го, в 1992-го – по делам 1918-го,

1923-го, 1924-го, 1937-го годов были организованы поиски массового Медведовского захоронения с целью увековечить память погибших и поставить обелиск замученной режимом самоотверженной женщине. Но они оказались напрасными. Палачи так хорошо потрудились, что место расстрела и захоронения обнаружить не удалось. Однако на предполагаемом месте казни водружен памятный камень – память живых тем, кто боролся за счастье всего человечества

Накануне

16 октября 1884 года в Тамбове, в семье дворянина, происходившего из «обер-офицерских детей», коллежского советника Александра Александровича Спиридонова и его жены Александры Яковлевны родилась дочь, получившая при крещении имя Мария.

Считается, что Тамбов всегда был провинциальным захолустьем. М.Ю. Лермонтов в своей поэме отзывался о нем пренебрежительно:

*Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые,
Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.*

.....

*Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой*

Уже в наше время присказка о «тамбовском волке» создала городу имидж не только дремучий, но и опасный. Но на городском флаге и гербе изображен не волк, как многие думают, а улей с пчелами: тамбовская земля когда-то славилась своими бортническими угодами. Аграрная эта губерния была знаменита еще и черноземами, благодаря которым поместьями здесь владели именитейшие российские дворянские роды: Нарышкины, Строгановы, Волконские, Оболенские, Мусины-Пушкины, Воронцовы-Дашковы, Чичерины и др. С начала XIX века Тамбовская губерния стала одной из главных житниц Российской империи; значительное количество тамбовского зерна попадало за границу. На Десятую и Казанскую ярмарки в Тамбов ввозились самые разнообразные товары; вся центральная часть города на несколько дней превращалась в сплошной рынок.

Согласно статистическому описанию Тамбовской губернии, составленному штабс-капитаном Кузьминым, в 1840-х годах (почти в то же время, когда написана «Казначейша») в Тамбове насчитывалось 45 улиц; в их числе 2 набережные (рек Студенца и Цны) и 8 переулков. Частных домов было 2332, из них 69 каменных; 7 трактиров, 5 харчевен, 3 гостиницы, 20 питейных домов, 8 штофных лавок, 7 погребов, 25 постоянных дворов, 7 магазинов модной одежды и галантереи. Первые мостовые появились в Тамбове в 1825

году. Для водоснабжения в 1839 году были организованы 8 колодцев. Шесть зданий принадлежали городской и губернской общественности: каменный кадетский корпус на берегу Студенца; деревянный дом дворянского собрания; каменный дом городского общества; деревянный дом ремесленной управы. Имелись и культурно-просветительские учреждения: Александринский институт для благородных девиц; дом публичной библиотеки. За счёт приказа общественно-го призрения в Тамбове существовали: сиротское отделение гимназии, размещённое в каменном доме, пожертвованном купцом Суворовым; училище для детей канцелярских служащих; больница; богадельня; дом умалишённых. Имелись храмы, в основном, православные, но был и католический, а также два монастыря – женский Вознесенский и мужской Казанский.

Город был пропитан купеческим духом, который не смогли искоренить и в советское время. Тамбовские купцы не строили здесь причудливых замков, хотя могли себе это позволить. В основном это двух-или трехэтажные особнячки добротной каменной застройки.

Семья Спиридоновых считалась достаточно зажиточной: по некоторым сведениям они имели собственный дом в городе и дачу в предместье, Александр Александрович владел паркетной фабрикой. Маруся была младшей дочерью; кроме нее в семье подрастало еще трое детей: две девочки, Юлия и Евгения, и один мальчик, Николай. Дети получали хорошее

домашнее образование, затем продолжали обучение в гимназиях Тамбова.

Эти сведения являются общепризнанными, не считая мелочей: отец Марии называется то коллежским советником, то коллежским секретарем, что совсем неоднозначно. Должность «коллежский секретарь», являлась, согласно «Табели о рангах» от 1722 года, гражданским чином IV класса и соответствовало армейскому чину лейтенанта и морскому чину мичмана, а «коллежский советник» – это более высокий гражданский чин VI класса, соответствующий чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

Подобные различия определяли положение человека в обществе.

Далее в биографии Маруси следуют более существенные разночтения. Согласно различным источникам она 1) окончила гимназию в 1902 году; 2) ушла из 8-го класса гимназии; 3) была исключена за политическую неблагонадежность.

Первоначально гимназии представляли собой средние общеобразовательные учебные заведения с 7-летним сроком обучения, которые делились на женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии (Мариинские гимназии), гимназии министерства народного просвещения и частные гимназии. Во всех этих гимназиях девочки в обязательном порядке обучались Закону Божьему, русскому языку, истории, географии, арифметике, естественной истории, чистописанию, рукоделию, пению и рисованию, а также фа-

культуративно – французскому и немецкому языкам, музыке и танцам. После дополнительного годичного обучения девицам, окончившим гимназию, выдавалось свидетельство домашней учительницы. В 1879 году была утверждена новая, единая и обязательная для всех женских гимназий программа подготовки, направленная на приближения к курсу обучения в институтах благородных девиц, а выпускницам присваивалось звание домашней наставницы. Принятая в 1905 году «Нормальная учебная табель» добавила к обучению в гимназии 3 года (педагогические курсы), имевшие два отделения: естественно-математическое и «словесное». Это окончательно уравнило учебный курс гимназий с институтским

Таким образом, по современным меркам Мария была развитой и достаточно эрудированной девушкой, могла образно мыслить и рассуждать критически, а не просто броситься в революцию из жажды острых ощущений.

Это было время, когда общий поток революционных настроений захлестнул все слои российского общества. Нищета, социальное неравенство, коррупция разъедали государство. Особенно тяжелым было положение крестьян составлявших основную массу населения огромной страны. В России создалась революционная ситуация, на которую царское правительство отреагировало Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) от 17 октября 1905 года. Он был

разработан талантливейшим администратором С.Ю. Витте по поручению императора Николая II в связи с непрекращающейся «смутой». В преамбуле манифеста так и говорилось: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи Нашей великой... тяжкой скорбью преисполняют сердце Наше... От волнений, ныне возникших, может явиться... угроза целости и единству державы Нашей...»

Октябрьский Манифест вкупе с более ранним Манифестом от 6 августа 1905 «Об учреждении Государственной Думы» провозглашал и предоставлял политические права и свободы, такие как: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности.

Резкое несоответствие соблюдения декларируемых прав с существующим положением вызвало волну революционных выступлений, в том числе в крестьянской среде.

Все мыслящие люди России понимали необходимость перемен. Наиболее радикальными в этом направлении оказались социалисты-революционеры, или эсеры. Они являлись прямыми наследниками старого народничества, сущность которого составляла теория о возможности улучшения положения неимущих масс путем перехода России к социализму некапиталистическим путём.

На протяжении всей истории существования партия социалистов-революционеров выделялась из других российских партий широтой взглядов её участников, многообразием различных фракций и групп в её составе. Эсеры суще-

ствовали в виде трех самостоятельных партий: эсеры (правые эсеры), левые эсеры, эсеры максималисты. Но общая идея, которая всегда существовала и не уходила из повестки всех фракций – это социализация земли: не огосударствление земли (национализация), а обобществление, передача в руки крестьянских сельских обществ, конфискация помещичьих, монастырских, царских и прочих земель, и уравнительное землепользование по «трудовой норме».

После разгона народовольцев обособился и стал действовать самостоятельно наименее пострадавший от гонений саратовский кружок. В 1896 году он выработал программу, в которой, в частности, говорилось об установлении демократической республики с неотъемлемыми правами человека и гражданина: свободой совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего и равного избирательного права для всякого гражданина с 20 лет без различия пола, религии и национальности, при условии прямой системы выборов и закрытой подачи голосов. Предусматривалась широкая автономия для областей и общин как городских, так и сельских и возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальными регионами при признании за ними безусловного права на самоопределение. Эсеры раньше, чем социал-демократы, выдвинули требование федеративного устройства Российского государства. Смелее и демократичнее они были и в постановке таких требований, как

пропорциональное представительство в выборных органах и прямое народное законодательство.

Подавляющее большинство членов партии эсеров составляли рабочие и крестьяне. Но политика партии определялась интеллигентским руководством.

Умная, умеющая легко, красиво, доходчиво и сильно излагать мысли, Маруся притягивала к себе людей. Эту ее способность использовали партийцы-эсеры, когда, приглядываясь к будущему члену партии, направляли ее в рабочие кружки. Она могла увлечь за собой любого.

Девушка приняла идеологию левого крыла эсеров. Понятия «левые» и «правые» обосновались в русском политическом лексиконе в начале XX века. Как разъяснял в 1908 году известный российский юрист, политик и публицист, один из лидеров партии кадетов А.С. Изгоев, в знаменитом сборнике «Вехи»: «Обратите внимание на установившуюся у нас в общем мнении градацию „левости“. Что положено в её основу? Почему социалисты-революционеры считаются „левее“ социал-демократов, особенно меньшевиков, почему большевики „левее“ меньшевиков, а анархисты и максималисты „левее“ эсеров? Правы меньшевики, доказывающие, что в учениях и большевиков, и эсеров, и анархистов много мелкобуржуазных элементов. Ясно, что критерий „левости“ лежит в другой области. „Левее“ тот, кто ближе к смерти, чья работа опаснее не для общественного строя, с которым идёт борьба, а для самой действующей личности».

Подобная, «психологическая» трактовка противостояния «левых» и «правых» популярна и в наши дни. С.Г. Кара-Мурза в ряде статей середины 90-х годов характеризовал «левых» как «разрушителей», подчеркивал, что «в европейской культуре левое начало – дьявольское, подрывное. В этом и есть главная суть левизны – подрывать, расшатывать, свергать существующий порядок вещей».

Партийные организации эсеров существовали в 48 губерниях и 254 уездах. Сельских ячеек и групп насчитывалось около 2000. Не случайно эсеры планировали начать изменения раньше всего в деревне. Отмена крепостного права в 1861 году не дала крестьянам землю. Александр II поддался пропаганде собственных современников (включая Н.Г. Чернышевского) и узаконил этот несовершенный механизм землепользования, имевший место и в ранней истории Западной Европы. Предварительной стадией изменений должна была стать социализация земли. Это означало, во-первых, отмену частной собственности на землю, однако не превращение её в государственную собственность, не её национализацию, а перевод в общенародное достояние без права купли-продажи. Во-вторых, переход всей земли в руки центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями. В-третьих, пользование землёй должно было быть уравнильно-трудовым, то есть обеспечивать потребитель-

ную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе.

После смерти отца финансовое положение семейства Спиридоновых пошатнулось. Шестнадцатилетняя Мария пошла работать конторщицей в губернское дворянское собрание. В это же время она вступила в партию социалистов-революционеров.

Еще обучаясь в гимназии, девушка под влиянием старшей сестры познакомилась с молодым присяжным поверенным Михаилом Казимировичем Вольским – кумиром молодых тамбовчанок, либералом, бравирующим собственным свободомыслием. Через него произошло знакомство и с его старшим братом, Владимиром, который являлся идейным членом партии эсеров с 1903 года. Братья происходили из потомственных польских дворян, их отец имел крупное землевладение и скромную гражданскую должность. Благосостояние семьи позволило Михаилу и Владимиру получить хорошее образование: после окончания тамбовской мужской гимназии оба поступили в Московский университет, но были отчислены за противозаконную политическую деятельность и доучивались экстерном. И если Михаил, юрист по профессии и революционер-идеалист по духу, не принадлежал к касте профессиональных революционеров, и политическая сфера его деятельности была подчинена юридической, то Владимир являлся типичным «пламенным революционером». Вокруг него образовался кружок единомышлен-

ников, занимавшихся политическим самообразованием, читавших запрещенную литературу, критиковавших власть. С этого времени и навсегда девушка прониклась революционными идеями, приняла эсеровский лозунг «в борьбе обрешь ты право свое» и ни разу от него не отступила. Молодость и сходство взглядов вызвали взаимную симпатию: Владимир Вольский считался нареченным женихом Марии.

В апреле 1902 года заявила о себе Боевая организация (БО) эсеров. Боевик Степан Балмашёв застрелил министра внутренних дел Дмитрия Сипягина. По отзывам современников «Россия потеряла в Сипягине мало, но Государь потерял в нём очень много – истинного, верного и действительно преданного слугу».

Один из руководителей БО Г.А. Гершуни (1870–1908), убежденный революционер, обладал сильной волей и большой способностью убеждать людей. Одухотворенный одной целью Гершуни вовлекал в свои сети романтическую молодёжь и распалял ее революционный пыл, делая исполнителем своих замыслов. Под его руководством был подготовлен целый ряд терактов. 29 июля 1902 года рабочий Фома Качура стрелял в парке «Тиволи» в харьковского губернатора князя И. М. Оболенского, принимавшего участие в подавлении крестьянских волнений в Харьковской губернии. Князь получил легкое ранение. В дальнейшем боевики более продуманно выбирали жертвы и более тщательно готовились к ликвидации. Их жертвой стал уфимский губернатор Н.Е.

Богданович, сын известного черносотенного генерала, автора казенных монархических листовок, близкого к В.К. Плеве. Он был убит 6 мая 1903 года в Уфе, в общественном саду слесарем уфимских железнодорожных мастерских Егором Дулебовым

Российская империя прочно заняла место первой державы мира, оказавшейся под огнем армии террористов..

Боевая организация являлась самой законспирированной частью партии эсеров, её устав был написан бывшим народовольцем, одним из основателей Партии социалистов-революционеров, Михаилом Гоцем. Организация занимала в партии автономное положение, Центральный комитет лишь давал ей задание на совершение очередного террористического акта и указывал желательный срок его исполнения. У БО были своя касса, явки, адреса, квартиры, ЦК не имел права вмешиваться в её внутренние дела.

Один из руководителей БО первым обозначил её цели, считая, что «Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы».

Маруся активно включилась в работу партии. Ее «разум возмущенный» не мог мириться с царящей несправедливостью, энергичная натура требовала действий. В начале революционных событий в Тамбовской губернии 24 марта 1905 года недовольные существующими порядками провели демонстрацию, завершившуюся многочисленными арестами.

Среди арестованных была и Спиридонова, но через две недели заключения ее отпустили как не представляющую опасности.

В то время ее описывали так: «Хорошенькая, крошечная, стройная со светло-каштановыми волосами, с нежной прозрачной кожей, с синеватыми, широко открытыми глазами. Вся ее легкая, маленькая фигурка так и дышала энергией и смелостью». На фотографиях тех лет Мария выглядит милой девушкой со стройной фигурой, с удлиненным овалом лица и пышным волосами. Только в линиях рта чувствуется твердость, даже некоторая жесткость. Видимо, ей была присуща ярко выраженная сила воли, в характере присутствовал некий стержень, в силу чего она вскоре была сочтена достойной войти в боевую дружину партии.

Крестьянские волнения 1905–1907 годов в Тамбовской губернии, начавшиеся в селе Кандевка, быстро охватили несколько уездов и для подавления потребовали привлечения войск из-за границ губернии – своими силами власти не справлялись. При этом крестьянское движение не являлось сколько-нибудь организованным или монолитным. Это была, скорее, длинная серия местечковых аграрных бунтов, в которых требования крестьян имели не политический и не социальный, а чисто экономический характер.

Тем не менее, подавление протестных выступлений производилось чрезвычайно жестоко. Повсеместно происходили публичные порки – «преступное засекание и безмерное

истязание крестьян», каратели изнасиловали несколько молодых крестьянок. Особенно свирепствовал советник Тамбовского губернского правления Г.Н. Луженовский, друг губернатора В.Ф. фон дер Лауница, убежденный член «Союза русских людей». Эта национально-монархической организация была создана в 1905 году графом Шереметьевым, князьями Трубецким и Щербатовым, а также несколькими реакционными публицистами. Союз ставил своей задачей «содействие законными средствами правильному развитию начал Русской Церковности, Русской Государственности и

Русского народного хозяйства на основе Православия, Самодержавия и Русской Народности». Плохо скрываемая Лауницем поддержка боевых дружин Союза русского народа (черносотенцев), дошла до того, что он не только вооружал их, но и выдал денежную награду в размере 2000 рублей убийцам депутата I Государственной Думы М.Я. Герценштейна².

Л. Луженовский получил приказ губернатора прекратить аграрные беспорядки. С двумя ротами солдат он прошел около 500 верст, решительно прекращая на своем пути лю-

² Михаил Яковлевич Герценштейн – российский политик и общественный деятель, экономист, публицист, член I Государственной думы, от партии кадетов, призывал к принудительному изъятию земельной собственности у частных владельцев. Был убит 18 (31) июля 1906 года на берегу Финского залива в Териоках (ныне город Зеленогорск в составе Курортного района Петербурга). Наряду с уголовниками, непосредственными исполнителями убийства, в деле фигурировал созданный в 1905 году черносотенный „Союз русского народа“.

бые волнения. Он заявлял: «... Или зверь-революция сметет государство, или государство должно смести зверя». В три недели беспорядки были пресечены. За жестокость, проявленную при подавлении крестьянских выступлений, эсеры приговорили имение Луженовского к разграблению, а самого монархиста-черносотенца – к смерти. Но имение добровольно вызвались охранять крестьяне, сочувствующие черносотенцам, а на вынесенный смертный приговор мать Луженовского Мария Гаврииловна публично ответила через газету: «Несчастные, ослепленные люди! Не думайте запугать убийствами из-за угла тех, кто любит святую Русь. Я благоговела своих двух сыновей отдать жизнь свою за Православие и Царя, без которых погибнет наше Отечество...»

Что касается Гавриила Луженовского, то он сам хвастался, что при подавлении бунта приказал дать шесть залпов картечью по крестьянам. По постановлению тамбовского комитета партии эсеров «за зверства, за разбойничьи похождения в Борисоглебске, за организацию „черной сотни“, за введение военного положения и чрезвычайной усиленной охраны в Тамбовском и других уездах» Луженовский был приговорен к смерти. Привести приговор в исполнение доверили Марии Спиридоновой.

Террор

Начало XX века было эпохой бесконечных расколов и какой-то жуткой, загадочной воли к самоуничтожению. Террористами становились, в основном, весьма молодые люди: примерно 22 % всех террористов-эсеров находилось в возрасте от 15 до 19 лет, а 45 % – от 20 до 24. Молодёжь романтически настраивалась на волну конспирации, борьбы «плаща и кинжала». По свидетельству знаменитой деятельницы социал-революционного движения Е.К. Брешко-Брешковской в ПСР шла молодёжь на условиях участия исключительно в террористической деятельности, оставаясь равнодушной к любой другой форме работы.

Однако террор основывался на идеологическом контексте. В знаменитом письме народовольцев по поводу убийства анархистом американского президента Уильяма Мак-Кинли³, они писали, что политическое убийство в стране, где есть выборы, является проявлением деспотизма, с которым они борются. Эсеры всегда говорили, что как только будет заявлено о выборах и можно будет обходиться без насилия, они прекратят террор. Террор для лидеров партии стал

³ 6 сентября 1901 года анархист Леон Чолгош смертельно ранил из пистолета Уильяма Мак-Кинли (ум. 14.09.1902). Мак-Кинли стал третьим по счету президентом США, убитым во время президентского срока.

вспомогательным средством, расшатывающим режим, вдохновляющим революционеров, а также орудием самообороны. Эсеры старались избегать случайных жертв, но это относилось к хорошо организованной центральной боевой организации, совершившей 11 акций за десять лет. Большую часть терактов осуществили низовые организации при фабриках и заводах – там степень разборчивости была совершенно другая. Боевиками становились рабочие-эсеры, часть которых потом ушла к анархистам, их душила ненависть к буржуазии, а анархисты тогда в Европе взрывали все, что хоть как-то было связано с буржуазией. С этой точки зрения настроения рабочих шли снизу, а руководство социалистов-революционеров старалось с этим бороться.

С 1902 по 1911 год боевая организация эсеров совершила больше двухсот террористических актов. Жертвами стали два министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 24 начальника тюрем, 26 шпионов и провокаторов. Боевики убили генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве. Первого сентября 1911 года в киевском городском театре эсер-боевик Дмитрий Богров смертельно ранил председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина.

От народовольцев к эсерам перешла традиция широкого и активного участия женщин в революционном движении, что принято объяснять их большей экзальтированностью.

В то время как в Англии, Франции, Германии и других западноевропейских странах подавляющая масса женщин ограничивалась домашним хозяйством и была слабо затронута революционным движением, иную картину представляла дореволюционная Россия. Здесь женщины наряду с мужчинами разделяли все опасности и страдания, связанные с борьбой за лучшее будущее своей Родины. Они выступали как рядовыми, скромными, но убежденными ее участницами, так и выдающимися деятельницами, накопившими большой жизненный и политический опыт. Здесь были разные характеры, различные формы борьбы и неодинаковые судьбы.

После ареста Андрея Желябова подготовку убийства Александра II в марте 1891 года довела до конца его гражданская жена Софья Перовская. После разгрома «Народной воли» оставшихся членов объединила Вера Николаевна Фигнер, которая пыталась инициировать военный заговор. У эсеров большим влиянием пользовалась Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, сторонница политического и аграрного террора, считавшая террор одним из наиболее эффективных методов борьбы. Она пришла в революцию раз и навсегда. Бросила мужа, отдала на попечение родственницы маленького сына и с головой окунулась в стихию борьбы. Имея самую простонародную внешность, она под именем солдатки Феклы, в крестьянском облачении, с котомкой за плечами, ходила по деревням, рассчитывая под-

нять мужиков на бунт, составляла агитационные прокламации крайне радикального содержания.

Убедившись, что «хождение в народ» малоэффективно, Екатерина Константиновна стала активной сторонницей террора. И хотя не участвовала ни в одной боевой операции, но вдохновляла на вооруженную борьбу молодежь, считая, что для достижения «благих целей» годятся любые средства.

Не удивительно, что вскоре Брешко-Брешковская была арестована. С 1874 года в ее жизни начался долгий этап тюремных заключений, каторжных работ, ссылки. Из Петропавловской крепости тридцатилетнюю женщину отправили напрямиком в Восточную Сибирь. В шестьдесят лет она совершила новый побег из мест поселения, за пять дней преодолела тысячу верст, но была схвачена, опять брошена в тюрьму, а затем отправлена в якутский Булун, около Северного полюса, и провела там десять лет. Считается, что она стала первой в России женщиной-политкаторжанкой. Именно благодаря встрече с Брешковской к эсерам присоединился, пожалуй, самый известный террорист Борис Савинков. А человек мирной профессии, провизор Гершуни, быстро закрыл свой химико-бактериологический кабинет в Минске и вместо помощи болящим отдался «террорной работе».

Женский терроризм к тому времени получил довольно широкое распространение. По подсчетам американской исследовательницы Эми Нйт, посвятившей специальную работу женщинам-террористкам, в партии социалистов-рево-

люционеров, среди 78 членов боевых организаций, входивших в ее состав с 1902 по 1910 годы, было 25 женщин. Их отличало более высокое социальное происхождение и более высокий образовательный уровень, нежели боевиков-мужчин. Так, из 40 террористок 15 были дворянками или дочерьми купцов, 4 происходили из среды разночинцев, 11 – из мещан, одна была дочерью священника, и только 9 родились в крестьянских семьях. Но общее, что побуждало всех этих девушек идти в рабочие бараки и крестьянские хаты, стрелять в жестких утеснителей – это обостренное чувство справедливости и сочувствие простому народу.

Террористки действовали смелее и результативнее, чем мужчины.

22 ноября 1905 крестьянская дочь Анастасия Алексеевна Биценко – член летучего отряда Боевой организации ПСР, застрелила генерал-адъютанта В.В. Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки в Саратовской губернии. Участвовали в покушениях дочери генерала А. Измаиловича Александра и Екатерина, смертная казнь для Александры была заменена бессрочной каторгой. Евстилия Рогозинникова застрелила начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского, практиковавшего в тюрьмах телесные наказания для политзаключенных. Анна Распутина (Шулятикова) организовавшая покушение на министра юстиции Щегловитова, в феврале 1908 года была арестована, заключена в Петропавловскую крепость и Петербургским военно-окружным

судом приговорена к смертной казни. Через десять дней ее повесили на Лисьем Носу, близ Петербурга...

Некоторые террористки искренне приветствовали смертные приговоры, вынесенные им царским правительством. Казнь, как полагает ряд исследователей, была для них «избавлением от невыносимой тяжести собственного существования». В обоснование этого тезиса приводится дело эсерки-террористки учительницы Зинаиды Коноплянниковой.

13 августа 1906 года на станции Новый Петергоф Коноплянникова спокойно подошла к экипажу, в котором с женой и дочерью сидел генерал-майор Георгий Мин, «усмиритель» Декабрьского вооруженного Восстания 1905 в Москве. Она сделала четыре выстрела в упор из браунинга в спину генералу, от которых тот сразу скончался. Террористку тут же схватили. Военный суд приговорил ее к повешению. Она так страстно желала смерти, что, по словам очевидца ее казни, «шла на смерть так, как идут на праздник». Коноплянникова стала первой женщиной, повешенной в России в XX веке.

У многих женщин-террористок отчетливо прослеживались жертвенные мотивы. Классический пример – член БО Мария Беневская, верующая христианка толстовского учения, которая никогда не расставалась с Евангелием и изготавливала бомбы, читая молитвы. Она находила оправдание своей деятельности скорее в Библии, нежели в партийных программах, и пострадала при случайном взрыве. Евстилия Рогозинникова отправлялась для совершения убийства на-

чальника Петербургского тюремного управления А. М. Максимовского, будучи обвешанной тринадцатью фунтами нитроглицерина вместе со взрывным устройством, чего хватило бы для уничтожения всего здания. Застрелив генерала, она не успела использовать взрывчатку. На суде она казалась совершенно безумной и прерывала свое молчание лишь истерическим хохотом. Но перед казнью она вполне внятно писала родным, что вступила на путь терроризма из чувства долга и любви к людям. Дора Бриллиант рвалась выйти с бомбой на Плеве или великого князя Сергея Александровича; а ведь и в том и в другом случае гибель была практически неизбежной.

Сейчас рядом научных исследований установлено, что террор при отсутствии квалифицированных реабилитационных средств мог явиться психотерапевтическим механизмом преодоления комплекса неполноценности. Так, не проявившая себя, несмотря на все старания, в «мирной» революционной работе, эсерка Лидия Езерская решила убить Могилевского губернатора Клингенберга для оправдания своего существования. Эми Найдт полагает, что причины, приведшие известную эсерку Фруму Фрумкину к террористической деятельности также проистекали из комплекса неполноценности и стремления самоутвердиться как личности.

Можно предположить, что террористическая деятельность могла привести к изменению психики человека. Эсерка Мария Селюк, стоявшая у истоков образования партии

социалистов-революционеров вместе с Г. Гершуни, во время подготовки покушения на Плеве заболела манией преследования – тяжелой формой паранойи. В конечном итоге Селюк впала в панику и сдалась полиции. Молодая еврейская девушка Мария Школьник охарактеризовала свое пребывание в подполье в ожидании покушения на графа Хвостова следующей показательной фразой: «Мир не существовал для меня вообще». Однако, пожалуй, только Марию Селюк и Дору Бриллиант можно назвать психическим неуравновешенными. Но это исключения. Все обстояло гораздо проще. Вера Фигнер говорила «Если берешь чужую жизнь – отдавай и свою легко и свободно... Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее, или всегда были готовы отдать, как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать»...

Современники событий вспоминали «В то время революционеры встречали сочувствие и поддержку повсюду. Интеллигенция, широкие слои общества, даже умеренно настроенные, особенно симпатизировали эсерам, популярность которых после покушений на Плеве и великого князя Сергея Александровича поднялась на необычайную высоту». Даже Л.Н. Толстой считал эсеровский террор целесообразным.

Но террор как метод признавали не только эсеры. Организованный в Сибири Я. Свердловым «Боевой отряд народного вооружения» практиковал характерные приемы, похожие на те, которые существовали в различных мировых ма-

фиозных и террористических организациях. Так, один из будущих убийц семьи Романовых Ермаков в 1907 году по решению руководства боевого отряда убил полицейского агента и отрезал ему голову. В.И. Ленин призывал к «наиболее радикальным средствам и мерам, как к наиболее целесообразным, для чего, – цитирует документы историк и исследователь Анна Гейфман, лидер большевиков предлагал создавать – отряды революционной армии... всяких размеров, начиная с двух-трех человек, [которые] должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога...)», и делает вывод, что эти отряды большевиков по сути ничем не отличались от террористических «боевых бригад» воинственных эсеров. Как свидетельствует одна из ближайших коллег Ленина Елена Стасова, лидер большевиков, сформулировав свою новую тактику, стал настаивать на немедленном приведении её в жизнь и превратился в «ярого сторонника террора». Мысль о терроре красной нитью проходит через литературное наследие вождя. «Социал-демократия должна признать и принести в свою тактику массовый террор!», «Террор – это средство убеждения», – можно прочесть в 45 томе сочинений Ленина. Понятие «красного террора» было сформулировано Троцким в книге «Терроризм и коммунизм» как «орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать».

По мнению А. Гейфман, многие выступления большеви-

ков, которые вначале ещё могли быть расценены как акты «революционной борьбы пролетариата», в реальности часто превращались в обычные уголовные акты индивидуального насилия. Анализируя террористическую деятельность большевиков в годы первой русской революции, историк приходит к выводу, что для большевиков террор оказался «эффективным и часто используемым на разных уровнях революционной иерархии инструментом».

Поначалу партии большевиков на партийные и личные расходы делали пожертвования крупные фабриканты, богемы и даже приближенные ко двору. Это считалось признаком хорошего либерального тона. Но после первой революции поток пожертвований иссяк. Пришлось изыскивать новые средства для пополнения партийной казны. Ленин публично объявил допустимым средством революционной борьбы грабеж и идеологически обосновал «отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания». Большинство исследователей считает, что большевики были единственной социал-демократической фракцией в России, прибегавшей к экспроприациям (т. н. «эксам») организованно и систематически. Характерно, что среди радикалов всех направлений РСДРП практиковалось присвоение партийных денег, но особенно преуспели в этом большевики.

Только с декабря 1905 года по июнь 1907 года в Закавказье было совершено пять вооруженных ограблений казна-

чейств. Руководителем всех «экс» являлся Сталин, который зачастую занимался грабежом для себя. Изъятием денег у правительства занимался Симон Аршакович Тер-Петросян (1882–1922), по прозвищу Камо, который проводил самые крупные «экс». Соратники по партии называли Камо безумным, но считали его невероятно удачливым террористом. Ленин познакомился с ним в марте 1906 года и поручил закупить и привезти в Россию оружие. Но где взять деньги? «Тифлисский „экс“ 25 июня 1907 года – самая известная „революционная работа“ Камо. Добро на этот „экс“ дал сам Ленин, скрывавшийся тогда в Финляндии, „мозгом“ акции считают Сталина (по словам Ленина – „замечательного грузина“), а Камо, переодетый в офицерскую форму, непосредственно руководил операцией на месте. Среди дня на людной Эриванской площади два десятка бандитов расстреляли конвой и закидали его бомбами, затем выволокли из карет мешки с деньгами и скрылись. Вся площадь была залита кровью и завалена дымящимися человеческими и конскими внутренностями. Похищенные 250 тысяч рублей (сегодня это примерно 8–9 миллионов долларов) Камо привёз Ленину в Куоккалу. Правда, согласно полицейским и казначейским документам, похищено было 340 тысяч рублей, куда делись остальные 90 тысяч – неизвестно. Честный Камо все до копейки отдавал в партийную казну. Маловероятно, что их присвоил кто-то из налётчиков – у Сталина и Камо такие штучки карались смертью. Камо однажды зарезал как

барана заподозренного в измене товарища, рассёк ему грудь и вырвал ещё бьющееся сердце. Он специализировался на физической ликвидации тех, кого товарищи по партии подозревали в работе на охрaнку. Ленин любовно именовал Камо „наш кавказский разбойник“.

Грабежи в России наказывались каторжными работами. Поскольку в гражданском судопроизводстве Российской империи смертная казнь даже за тяжкие преступления применялась исключительно редко, самым суровым наказанием фактически оставалась бессрочная каторга, обрекавшая человека на медленное мучительное умирание. К лишению жизни чаще всего приговаривали преступника военные суды. Но террористические акты революционеров против должностных лиц государства приняли настолько массовый характер, что обойтись без смертной казни в столь чрезвычайных обстоятельствах было довольно трудно. С другой стороны, административный произвол только лил воду на мельницу революции. В правительстве был разработан законопроект, в силу которого все покушения на жизнь и здоровье государственных служащих должны были попадать не в гражданские, а в военные суды. Там же рассматривались дела, связанные с нелегальным изготовлением и применением взрывчатых веществ.

Кроме эксов имелись и иные способы пополнения партийной кассы. Большую помощь в этом оказывал большевикам Максим Горький. Между ним и Лениным существовало по-

добие дружбы. Может быть, их притягивало к другу по каким-то объективным законам, как притягивает друг к другу очень крупные тела, планеты или корабли. Именно от Горького и через Горького шли в большевистскую кассу финансовые потоки. Жизнь в Париже и Женеве была не дешевой, и Горький как финансовый источник вполне устраивал Ленина. „Буревестник революции“ был посвящен в истории „экс-сов“ на Кавказе, то есть знал о грабежах большевиков. Цинизм, с которым товарищи получали деньги, не смущал ни Ленина, ни Горького...

Вот только один пример финансовой махинации, в которой был замешан и „буревестник революции“.

Семья Н.П. Шмидта принадлежала к известной в России купеческой династии Морозовых (по материнской линии Николай Шмидт приходился племянником знаменитому Савве Морозову). Студент Московского университета Николай к 1905 году после ранней смерти матери стал опекуном несовершеннолетних сестер Екатерины и Елизаветы и распорядителем всего семейного состояния. Он приветствовал революцию 1905–1907 года; при посредничестве Горького на деньги Шмидта вооружались рабочие дружины. В начале 1906 года Николая арестовали и посадили в тюрьму. После 14 месяцев заключения он погиб при загадочных обстоятельствах: согласно официальной версии, разбил окно и осколком стекла перерезал себе горло – слишком экзотический способ самоубийства, чтобы в него поверить.

Незадолго до этого он в устной форме высказывал желание передать состояние большевикам. Очевидцем этого устного заявления являлся Горький, на чем и основывалась интрига. Однако юридически оформить передачу денег было невозможно. Младшая сестра Лиза фиктивно вышла замуж за А.М. Игнатьева, имея фактического мужа А.Р. Таратуту, удостоенного особого доверия Ленина. На большевиков полились живительные струи шмидтовского золота – не менее 280 тыс. рублей. Эпоха нищеты для Ленина осталась позади. Н.К. Крупская в своих „Воспоминаниях“ не случайно отметила: „В это время большевики получили прочную материальную базу“.

Однако старшая сестра Екатерина, которая был замужем за адвокатом Н. Андриканисом стала оспаривать план большевиков по присвоению наследства ее брата. Андриканисы решили, что причитающейся им доли денег Шмидта можно найти гораздо лучшее применение, чем финансирование социал-демократов. В Большевистском центре метали громы и молнии. Рассвирепевший Таратута пригрозил Андриканису, что вызовет с Кавказа страшных боевиков Симона Тер-Петросяна. При этом на наследство Шмидтов претендовали еще и меньшевики. В общем, история вышла грязная, а кроме того, она во всех подробностях дошла до охранного отделения.

Всё-таки в результате многочисленных переговоров, юридических уловок и компромиссов за Андриканисами осталась львиная доля имущества.

Идеология эсеров исключала все подобные способы получения финансовых средств. Их мечтой на деле была не власть, а народное благо и справедливость.

Мария Спиридонова формулировала для себя „определенную цель – твёрдое, непреклонное желание осуществить убийство Плеве, истинного диктатора, замучившего Россию“. Действительно, В.К. фон Плеве, жестокий и решительный, призванный спасти пошатнувшийся царский трон, не знал границ силовым приемам и в борьбе с революционным движением ни перед чем не останавливался: расстреливал рабочих, устраивавших забастовки, запарывал розгами до смерти бунтовавших крестьян и тушил революционный пожар кровавыми погромами в городах. Вся страна превратилась в большой полицейский участок, где все должны были молча трепетать.

Однако эта цель была для нее недостижима.

Покушение

Девушка выслеживала Луженовского несколько дней. Все это время она провела в величайшем душевном напряжении – не могла ни есть, ни пить. Ее перемещения в погоне за будущей жертвой не вызывали подозрений – куда-то спешила нарядно одетая барышня из хорошей семьи. Но только на вокзале в Борисоглебске представился удобный случай.

16 января 1906 года член Тамбовской БО эсеров Мария Спиридонова осуществила возмездие – выпустила в солидного, самоуверенного, чрезмерно полного мужчину пять пуль. Первые из них попали Луженовскому в бок; после того как он обернулся, девушка выстрелила ему в грудь, а затем еще два раза в уже упавшую на землю жертву.

Что было потом, точно неизвестно. По одной из версий, у начинающей террористки случился нервный срыв, и она бегала по перрону, крича: „Я убила его!“ По другой версии, она *в нервном припадке закричала: „Расстреляйте меня!“* и попыталась застрелиться, но нажать на курок не успела – подбежавший казак сбил ее с ног. Началась экзекуция: ее страшно били прикладами и сапогами. Тяжело раненый Луженовский отдал приказ: „Не убивайте!“, а затем, узнав, что в него стреляла женщина, перекрестился и произнес: „Господи, прости ей. Не ведает, что творит“. „Если бы он – по-

казывали потом казаки, – не крикнул: „Оставьте, не убивайте“, от нее и клочка бы не осталось. Откуда у него, голубчика, только голос взялся!“. Террористку было приказано доставить в полицейское управление для допроса.

По перрону, по ступеням девушку волокли за волосы, продолжая пинать ногами и избивать, с размаху забросили в сани и привезли в полицейский участок уже без сознания. Там охранники Луженковского, Аврамов и Жданов, разъяренные оттого, что не сумели защитить хозяина, распались еще больше. Сорвав одежду с несчастной, они обливали ее ледяной водой и требовали во всем признаться, рассказать, кто ее послал. От безжалостных ударов по голове девушка забыла свою фамилию, – назвалась ученицей 7 класса гимназии Марией Александровой.

Потом она вспоминала. „Придя в сознание, я назвала себя, сказала, что я социалистка-революционерка и что показания дам следственным властям; то, что я тамбовка. Это вызвало бурю негодования: выдергивали по одному волосу из головы и спрашивали, где другие революционеры. Тушили горящую папиросу о тело и говорили: „Кричи же, сволочь!“ В целях заставить кричать давили ступни „изящных“ – так они называли – ног сапогами, как в тисках, и гремели: „Кричи!“ (ругань). – „У нас целые села коровами ревут, а эта маленькая девчонка ни разу не крикнула. Нет, ты закричишь, мы насладимся твоими мучениями, мы на ночь отдадим тебя казакам...“ „Нет, – говорил Аврамов, – сначала мы, а по-

том казакам...". И грубое объятие сопровождалось приказом: „Кричи“. Я ни разу, за время битья и насилий не крикнула. Я все бредила“.

Позднее, в официальном протоколе медицинского освидетельствования указывалось, что „...лицо все было отечное, в сильных кровоподтеках с красными и синими полосами. В течение порядочного промежутка времени не могла раскрыть рот, вследствие страшной опухлости губ, по которым наносились удары. Над левым глазом содрана кожа размером в серебряную монету в пятьдесят копеек, обнажив живое мясо. Зубы все выбиты. В середине лба имеется продолговатая гноящаяся полоса, на которой содрана кожа. На правой стороне на лбу, ближе к волосам, тоже содрана кожа порядочного размера. Левая сторона лица особенно сильно отечна. Вследствие страшной опухлости этой части лица (очевидно, били правой рукой или с правого плеча) левый глаз закрылся...“ Вдобавок ко всему перечисленному наблюдалось „кровоизлияние в сетчатку. Кисти рук сильно вспухшие. На ногах кровоизлияния и содранная кожа. Легкие совершенно отбиты. Горлом идет кровь. Двигаться не может. Периодическая потеря сознания. Бред, галлюцинации“.

Такое состояние девушки не помешало переправить ее в тамбовскую тюрьму.

По пути Аврамов, уверенный в своей безнаказанности, намеревался надругаться над изувеченной, измученной арестанткой. Он предупредил конвойных, что если из купе, ку-

да поместили преступницу, будут доноситься крики, реагировать не следует, поскольку допрос он будет вести жестко. О домогательствах Аврамова имеется рассказ Марии. Позже врачи отмечали, что потерпевшая не дала осмотреть живот, грудь и спину. А в тюрьме она отчаянно боялась, что негодяй заразил ее сифилисом – обнаружив у себя сыпь и покраснение, Маруся в панике обратилась к доктору. К счастью, тревога оказалась ложной.

Воображая покушение, девушка, безусловно, рассматривала и его возможные последствия. Наверно, она приготовилась к общественному осуждению, всестороннему порицанию, но была готова аргументированно защищать свою позицию. Наверняка она предусматривала и физическое давление – заключение в тюремной камере, скудную пищу, может быть, пощечины и даже казнь – и была к этому готова. Но настоящие пытки, циничное издевательство – сапогом в зубы, мордой об пол, грубое обнажение для глумления самых интимных уголков тела – такого она вообразить не могла. На всю оставшуюся жизнь террористка приобрела непримиримость в отношении нарушения ее личной неприкосновенности.

Зверство Аврамова и Жданова вызвало общественный резонанс. Все происшедшее со Спиридоновой, широко обсуждалось и освещалось в губернской и столичной прессе. Основная внушаемая обществу мысль заключалась в том, что „девушка 21 года и трех месяцев от роду, находится в

ужаснейшем состоянии“. Полиция обвиняла Юлию, сестру Маруси, в том, что она обнародовала ее письмо с рассказом о перенесенных издевательствах. После очередного свидания с сестрой у той было найдено еще одно письмо. Юлию арестовали. Была схвачена также третья сестра, Евгения, потом оправданная военным судом. В Тамбове проводил „журналистское расследование“ корреспондент либеральной петербургской газеты „Русь“ Владимир Попов под псевдонимом В. Владимиров. Он вел репортажи о состоянии здоровья девушки, публиковал письма Маруси к сестрам и матери, обращался к общественному мнению. Благодаря этому журналист и вошел в историю. Впоследствии он выпустил опубликованные статьи отдельной книгой, моментально раскупленной. Реакционная пресса выдвигала против либеральных газет обвинения в искажении истины и нагнетании напряженности. Началась настоявшая дуэль печатных изданий. Жуткая история издевательства над Марусей обошла весь мир и создала ей почти сакральный ореол мученицы.

В обстановке всеобщего возмущения страданиями беззащитной девушки почти незаметно прошла смерть Луженовского. „Это был поистине русский человек, – писал о нем монархист Н.Н. Жеденов, издатель антисемитской газеты „Гроза“, – огромного роста, богатырского телосложения, с добродушным лицом, и ласково смотрящими глазами, глубоко религиозный, пламенно любивший Россию и беззаветно преданный ее историческим устоям“. После мучений, кото-

рые продолжались более трех недель, не дожив двух дней до своего 35-летия, Луженовский скончался. На памятнике, установленном на месте погребения Луженовского высечена надпись: „Гавриил Николаевич Луженовский. Родился 12 февр. 1871, скончался 10 февр. 1906, отдав жизнь за Веру, Царя и Отечество. Раненный революционерами пятью разрывными и отравленными пулями, безропотно протерпев 25 дней, тихо скончался, простив убийцу“.

В 1917 году местные крестьяне вырыли из могилы его останки, сожгли их и развеяли по ветру.

После Перестройки на железнодорожном вокзале города Борисоглебска на месте казни Луженовского „патриоты“ пытались повесить мемориальную доску. Однако власти до настоящего времени не дали на это разрешения.

В газете „Русские Ведомости“ от 25 февраля рассказывалось, „что военное ведомство просило министерство внутренних дел препятствовать преждевременному оглашению подробностей истязания Спиридоновой в видах ограждения обвиняемых двух офицеров от нападков, если бы возбужденное против них обвинение оказалось бы несоответствующим истине“.

Еще до суда газета „Русь“ опубликовала письмо Спиридоновой из Тамбовской тюрьмы: „Да, я хотела убить Луженовского. Умру спокойно и с хорошим чувством в душе“. Мария была уверена в своей правоте, поскольку считала, что Луженовский совершил преступление, но наказания не понесет.

Именно она избрана для того, чтобы его покарать. Но убийство – это грех, за него надо ответить, пострадать, принять мучения. При этом на вопрос о здоровье террористка отвечала: „Теперь у меня очень болит голова, ослабла память, я очень многое забыла, и мне трудно излагать логично мысли. Болит грудь, иногда идет горлом кровь, особенно когда волнуюсь. Один глаз ничего, кроме света, не видит“. После пыток она не могла подняться с тюремной кровати полтора месяца.

12 марта 1906 состоялась выездная сессия Московского военного окружного суда. „По ходатайству защиты была допущена в зал заседания одна из сестер Спиридоновой и старуха-мать, но последняя в самом начале заседания разразилась истерическими рыданиями и покинула зал суда“ (Газета „Русь“ от 13 марта 1906 года). Защищал Марусю 36-летний адвокат, присяжный поверенный, заместитель председателя партии конституционных демократов, впоследствии депутат Государственной Думы II и III созывов Н. В. Тесленко. Он произнес слова, которые широко разнеслись и стали своеобразным диагнозом состояния страны: „Перед вами не только униженная, больная Спиридонова. Перед вами больная и поруганная Россия“.

Сама подсудимая заявила, что „взялась за выполнение приговора потому, что сердце рвалось от боли, стыдно и тяжело было жить, слыша, что происходит в деревнях по воле Луженовского, который был воплощением зла, произвола, на-

силія. А когда мне пришлось встретиться с мужиками, сошедшими с ума от истязаний, когда увидела безумную старуху-мать, у которой пятнадцатилетняя красавица-дочь бросилась в прорубь после казацких „ласк“, то никакая перспектива страшнейших мучений не могла бы остановить меня от выполнения задуманного“.

Но ни ее слова, ни общественное мнение, ни красноречие адвоката не повлияли на решение суда. Мария Спиридонова была приговорена к смертной казни через повешение.

В ожидании казни

В ожидании исполнения приговора Мария провела шестнадцать дней. Позже она писала, что такие моменты навсегда меняют человека. „Ни для кого в течение ряда последующих месяцев этот приговор не обходился незаметно. Для готовых на него и слишком знающих, за что умирают, зачастую состояние под смертной казнью полно нездешнего обаяния, о нём они всегда вспоминают как о самой яркой и счастливой полосе жизни, полосе, когда времени не было, когда испытывалось глубокое одиночество и в то же время небывалое, немыслимое до того любовное единение с каждым человеком и со всем миром вне каких либо преград. И, конечно, это уже самой необыкновенностью своей, пребывание между жизнью и могилой, не может считаться нормальным, и возврат к жизни зачастую встряхивал всю нервную систему“.

В газете „Молва“ появилось письмо матери Марии Спиридоновой под заголовком „Обращение к русским матерям“.

К вам, русские матери, обращаюсь! Вас прошу понять мою скорбь, мою тоску!

Вся Россия слышала о моей несчастной дочери. Вникните в мою душу, поймите, как невыносимо знать об истязаниях своего измученного, поруганного ребенка и не помочь ему; видеть, как угасает близкая, дорогая жизнь и не облегчить

ее страданий, а знать, что все ее муки только преддверие к казни.

Вы все, матери, у которых умирали дети, имели хоть утешение ходить за ними, ласками успокоить их предсмертную тоску...а я? А моя девочка?..

Она умрет одна, с страшным воспоминанием пережитого, в тюрьме, среди чужих, без родной ласки, без матери.

Пусть она виновата, но, отдавая свою молодую жизнь, должна ли она была еще пройти тот крестный путь, через который прошла она?

Вы, матери подрастающих и взрослых дочерей, вспомните, какое поругание, какие нравственные пытки она пережила между этими двумя злодеями, и скажите, должна ли она умереть, не искупила ли она еще свой грех.

Мать Маруси

Александра Спиридонова.

„Молва“. 1906. 21 марта

Самые знаменитые в России террористы Григорий Гершуни и Егор Сазонов писали Спиридоновой из Шлиссельбургской крепости в Тамбовскую тюрьму: „Вас уже сравнивали с истерзанной Россией. И Вы, товарищ, несомненно, – ее символ“.

Некий 16-летний киевлянин заочно влюбился в мученицу. Он мечтал упасть к ее ногам и молился на ее портрет. Не веря, что изувеченная девушка сможет пережить суровое

тюремное заключение, он решил умереть вместе с ней и наложил на себя руки – повесился.

Поэт Максимилиан Волошин посвятил героине стихи:

*На чистом теле след нагайки,
И кровь на мраморном челе.
И крылья вольной белой чайки
Едва влачатся по земле...»*

Тамбовские крестьяне молились за нее в специально поставленной часовне во имя Марии Египетской. Революционерка София Дубнова-Эрлих, дочь историка еврейства Семена Дубнова, в своих мемуарах вспоминала, как неожиданно для себя увидела на собрании бундовцев⁴ в доме у старика Соломона рядом с мезузой и менорой фотографию Спиридоновой. Ее портрет имелся у всех студентов и курсисток в съемных в складчину комнатах в доходных домах. Кроме того, все статьи о ней перепубликовывались социалистической и либеральной печатью на Западе.

⁴ Бунд – еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века – до 40-х годов XX века. Бунд считал себя единственным представителем интересов достаточно многочисленного на этих землях еврейского рабочего класса. Представители Бунда занимали руководящие роли в общероссийском меньшевистском движении, вели политический диалог с кадетами, но от сотрудничества с большевиками отказывались, так как отрицали возможность немедленного перехода к социализму и считали более предпочтительной для страны буржуазно-демократическую альтернативу. Первоначально включали в арсенал деятельности терроризм.

Сама Мария больше всего боялась, что не сможет достойно встретить смерть. По свидетельствам очевидцев, в те роковые дни ожидания она часами просиживала за тюремным столом. Соорудив из шпилек что-то наподобие виселицы, она подвешивала на волосе человеческую фигурку, слепленную из хлебного мякиша, и долго ее раскачивала, как зачарованная следя за „повешенным“.

В народе все более нарастало сочувствие жестоко изувеченной девушке. За состоянием ее здоровья следила вся страна. Рассказы о ней передавались из уст в уста, Мария становилась героиней нового революционного эпоса. Показательна такая народная песня на заунывный мотив:

*Сумрачно в женской тюремной больнице,
Сумрачный день сквозь окошко глядит.
Грустно, вся в черном, при дочери милой,
Старая женищина плачет сидит.*

*Эта несчастная дочь ее Мария
С грудью разбитой, при смерти лежит,
Места живого на теле не видно,
Череп проломлен, и глаз не глядит.*

*Слабую руку она протянула,
Чтобы родную ей руку пожать.
Мать поцелуями руку покрывала
И начала еще громче рыдать.*

Царское правительство не решилось казнить юную террористку. Министр внутренних дел Дурново отправил секретную телеграмму-молнию о пересмотре дела. Он полагал и надеялся, что Спиридонова и так умрет от полученных увечий. Смертный приговор был заменён бессрочной каторгой.

Произошло то же самое, что случилось с легендарной Натальей Климовой, бывшей возлюбленной Соколова-"Медведя". Климова, на редкость красивая девушка, была потомственной дворянкой и дочерью видного земского деятеля, члена Государственного совета и октябриста по партийной принадлежности. Вступив на революционный путь 20-летней курсисткой в 1905 года, она стала одной из наиболее ярких женских фигур максимализма. За участие в организации взрыва дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове, когда сам Столыпин не пострадал, но погибло около ста ни в чем не повинных людей, она была присуждена к смертной казни. Ей, как и Марусе, виселица была заменена ссылкой в каторжные работы. Наталья Климова стала прототипом Натальи Калымовой – главного действующего лица в романе Михаила Осоргина „Сивцев Вражек“. О Наталье Климовой написал пронзительный рассказ „Золотая медаль“ Варлам Тихонович Шаламов, а в наше время —

Григорий Каи в биографическом исследовании „Наталья Климова. Жизнь и борьба“.

В петербургском Доме предварительного заключения,

еще не зная об изменении приговора, Наталья написала очень сильное и откровенное „Письмо перед казнью“. В нем она описала те чувства, которые испытывает приговоренный. Текст письма осенью 1908 года был напечатан в журнале „Образование“ и впоследствии стал широко известен за пределами России.

„Тот смутный страх, порою даже ужас, который я испытывала перед смертью, когда она была за сто верст, теперь, когда она за 5 шагов, совершенно исчез... Появилось любопытство к ней и подчас чувство удовлетворения от сознания, что вот скоро... скоро... и я узнаю величайшую тайну. И даже нет сожаления жизни, а между тем, я страшно люблю ее, и только теперь я познала такие ее красоты, о которых и не снилось раньше – точно смерть есть одна из фаз жизни, точно сознание не прерывается, и идет все дальше...

Новые, странные, и удивительно хорошие ощущения, мысли и настроения переживаю я здесь в этой большой пустой и полутемной камере. Доминирующее ощущение – это всепоглощающее чувство какой-то внутренней особенной свободы. Эх... это страшно трудно объяснить. И чувство это так сильно, так постоянно и так радостно, что, внимая ему, ликует каждый атом моего тела, и я испытываю огромное счастье жизни... Что это? Откуда? Я не знаю... сознание ли это, молодое, не боящееся страдания воли, свободно и смело подчиняющееся лишь велениям моего „я“?... Не радость ли это раба, у которого, наконец, расковали цепи, и он может

громко на весь мир крикнуть то, что он считает истиной?... Или то гордость человека, взглянувшего в лицо самой смерти и спокойно и просто сказавшего ей: „Я не боюсь тебя“? Не знаю, должно быть – последнее. Да, наверное, так“.

Наверное, то же самое чувствовала и Маруся.

Как ни странно, известие о том, что ей будет сохранена жизнь, ее не порадовало. Еще 20 марта 1906 года она писала своим соратникам по партии, призывающим ее надеяться на помилование. „Моя смерть представляется мне настолько общественно ценною, что милость самодержавия приму как смерть, как новое издевательство“. Когда 28 марта

Марусе сообщили о смягчении приговора, она откликнулась письмом: „Я ее (казни) так ждала, что отмена приговора на меня очень плохо подействовала: мне нехорошо“. И, несколько рисуясь, добавляла: „Я из породы тех, кто смеется на кресте“.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.